

УДК 1: 111.7 (575.2) (04)

ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ РЕФЛЕКСИВНОГО СОЗНАНИЯ

Дж.А. Алтмышбаева¹

The article deals with the problem of reflective consciousness emergence and shows the cooperation, coordination and interaction of human nervous system and culture in production the reflective consciousness.

Ключевые слова: предпосылки, рефлексивное сознание, структура, восприятие, образ, мозг, язык, речь, знак, символ, диалог, понятие, эволюция, медиаторы, эмоции.

Человеческая сущность как правило ассоциируется со способностью думать, говорить, любить, бояться, то есть обладать сознанием. Все эти способности даруются нам мозгом или, вернее, связаны с его работой. О том, что процесс активного размышления сопровождается «шевелением извилин» или «переговорами» нейронов друг с другом с помощью различных химических кодов известно давно. Эти коды включают медиаторы, передающие импульсы от одной клетки к другой. Среди них встречаются вещества, воздействующие на настроение. Их называют морфиноподобными веществами. Чаще всего они встречаются в природе в растительном виде, но как выяснилось они вырабатываются и мозгом. Известно также, что с помощью эндорфинов (так их называют) организм регулирует эмоциональные реакции и тем самым влияет на наше поведение.

¹Алтмышбаева Джаныл Асылбековна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии науки КРСУ.

Вещества, вырабатываемые мозгом (эндорфины), концентрируются в наиболее древней в эволюционном плане части мозга – лимбической системе, отвечающей в основном за эмоции или ощущения и восприятия, называемые настроением. Могут ли они влиять на содержание нашего сознания и каким образом? Этот вопрос подводит нас к следующему вопросу: связано ли это с нейрофизиологическими процессами, порождающими идеальность сознания? Возможно, использование эволюционного подхода позволит приблизиться к объяснению природы возникновения рефлексивного сознания. Нетрудно заметить, что все наши взаимодействия с окружающей средой имеют ту или иную эмоциональную окраску – в основе этих реакций лежат сложные нервные связи между мыслящей корой большого мозга и чувствующей лимбической системой. Две основные эмоции: агрессия и страх руководят нашим поведением.

В свое время еще Ч. Дарвин рассматривал способы выражения эмоций в качестве сохранившихся остатков действий, связанных с защитой и нападением, игравшими основополагающую роль в жизни древних людей. В процессе эволюции человеческого вида эти движения постепенно приобретали самостоятельную роль, способствуя оформлению социальной коммуникации. Со временем они сделали возможным создание системы социальной коммуникации, основанной уже на символическом содержании. Подобная неспецифическая обобщенная реакция дифференцируется у детей по мере приобретения собственного опыта и влияния социального обучения. Регулируя взаимодействие с внешним миром с помощью эндорфинов и создавая определенную эмоцию организм ведет себя в соответствии с ситуацией.

В эволюционном плане для организма важно отличать хорошие события от плохих, так как способность животного помнить, где с ним случилось что-то хорошее или плохое имеет большое адаптивное значение, позволяя ему контролировать свои взаимоотношения с внешним миром. Еще П.К. Анохин показал, что «...весь организм в целом представляет собой поразительно точное отражение совокупности внешних условий, к которым он неизбежно должен был приспособляться в процессе многовековой эволюции» [1. С.114]. При этом он отмечал также, что «Живое отражает в себе, в строении и функциях своего тела и пространственно-временной континуум окружающего его мира и его основные законы, имеющие значение для выживания. Например, мозг сформировался как орган, отражающий и моделирующий структуру и динамику процессов внешнего мира» [1. С.130].

Мозг всей своей структурой обеспечивает переработку поступающей извне информации. Так называемая первичная зрительная, слуховая или двигательная кора не только

получает информацию и перерабатывает ее с помощью параллельных каналов, но осуществляет и другие функции. Упрощенную структуру строения мозга и работы сознания попытался дать американский физиолог В. Маунткасл, отметивший, что «...кора головного мозга состоит из сложных многоклеточных ансамблей, основная единица которых образована примерно сотней вертикально связанных нейронов всех слоев коры...», и что несколько таких сходных в своей основе простых вертикальных ансамблей могут объединяться с помощью межколлоночных связей в более крупную единицу, перерабатывающую информацию-модуль, а «...модули группируются в более крупные совокупности, которые выполняют одну главную функцию (зрительную, слуховую или двигательную) и содержат также более мелкие подгруппы вертикальных единиц, каждая из которых связана с особыми подгруппами других совокупностей, выполняющих в первую очередь иные функции» [3. С.194].

В итоге происходит «...осуществление самой сложной функции – способности прийти к какой-то форме абстрактного заключения “о себе и мире”...» [3. С.194], что может быть результатом деятельности данной «распределенной» системы в целом. «“Распределенными” они называются потому, что вышеуказанные подгруппы представляют собой специфическим образом соединенные части сети, которая может широко разветвляться во всей коре» [3. С.195]. В частности, кора всегда располагает информацией внутреннего происхождения (повторной) и текущей информацией о внешнем мире. «Этот непрерывный пересмотр воспринимаемых образов наряду с функциями сравнения позволяет ей объединить образ, сформированный в ближайшем прошлом с текущим образом внешнего мира. Сравнение внутренних показаний с текущей информацией об окружающем мире и состав-

ляет предполагаемую основу сознания» [3. С.195].

Образ можно свести к перцептивным и рациональным формам психической деятельности: ощущению, восприятию, представлению, понятию и пр. Нас в данном случае будет интересовать переход от чувственности к рациональной деятельности сознания. Восприятие – способность человека, суть которой заключается в воссоздании целостного образа предмета, непосредственно воздействующего на органы чувств. Образ возникает как результат синтеза и интерпретации всех конкретных актов ощущения отдельных свойств воспринимаемого объекта. Физико-химической основой этого процесса, по-видимому, могут служить те химические морфиноподобные вещества, продуцируемые самим мозгом, которые как и опиаты могут создавать зрительные и слуховые образы, со временем оформлявшиеся в виде «идей», что позволяло уже Платону рассматривать их как «первичные сущности», поскольку они обладали инвариантностью и тем самым были первичными в пространственно-временном отношении (в разуме) и в отношении к изменяющемуся миру мнения, коррелированного с чувственностью.

Знаковая природа языка в виде мимических движений, жестов, возгласов для выражения эмоциональных состояний скорее всего проявлялась в виде достаточно однозначных эмоций: удовольствия, агрессии, боли, страха и впоследствии только приобрела более сложную звуковую и понятийную формы. Весь процесс становления рефлексивного сознания укладывается в эволюционную формулу: от чувственной ступени (в которую структурно входит лимбическая часть мозга, отвечающая за эмоции и являющаяся не только самой древней частью мозга, но и одновременно «общей» для всех животных) и ее первичных форм ощущения и восприятия

– к рациональной ступени, то есть понятию, идее. Нерасчлененность человека с природой в древнем обществе отражает состояние его психики: он ощущает, воспринимает, представляет, но его сознание не достигает развития рефлексии, поскольку отсутствует понятийное мышление и самосознание. Поэтому «участие природы в жизнедеятельности» человека позволяло ему принимать ее за своего собеседника (соучастника своей деятельности). Отсюда постоянная апелляция к природе в виде ритуала и наделение ее антропологическими характеристиками.

Коллективная трудовая деятельность человека развивает его мышление, способствуя со временем замещению деятельности с реальным предметом, умственной работе с его абстрактным аналогом. В. Леоневич приводит данные о возможностях высших антропидов идентифицировать себя и разрешать «в уме» проблемную ситуацию с воображаемыми объектами без предварительного обучения [5. С.237]. Более того, он также приводит данные о том, что «...если язык представлен в знаках, адекватных сенсорным и моторным возможностям шимпанзе (в форме, например, речи жестов), то животное способно овладеть таким языком на уровне 6-летнего ребенка (а это уже немало!)» [5. С.237].

В свое время В.Н. Сагатовский показал, как можно связать понятие с объективным миром [7. С.128-133]. Правда, если допустить, что образы лежат в основе значений, а конвенциональные значения надстраиваются над ними, то возникает проблема определения значения в случае слов, не имеющих в качестве основы наглядных образов. Ответ, предложенный В.Н. Сагатовским, звучит в согласии с классиками: «...общественный характер деятельности и познания обуславливает общий и общезначимый характер логического мышления» [7. С.127]. Любое понятие является системой осмысленных и общезначимых

значений языка. Представление, основанное на образе, может рассматриваться как эталон, являющийся, по его мнению, схемой класса предметов, схемой чувственной, позволяющей узнавать предметы с их помощью независимо от наличия языка с помощью ощущения и восприятий [4. С.129]. Представление и является переходным звеном в структуре сознания от чувственной ступени к рациональной. Письмо в виде пиктографии скорее предваряет с эволюционной точки зрения устную речь или развитие вербального языка. Символическое письмо развивается вслед за развитием устной речи и появления абстрактного мышления. Языковое понятийное мышление основывается на словесных конструкциях, в основании которых скрыты образные значения. Как именно «образное» письмо приобрело символическую форму, поможет понять нам еще один экскурс в историю.

Охотническо-собираТЕЛЬный образ жизни людей оставил после себя на скальные рисунки (своего рода расширенное пиктографическое письмо) как схемы образа действия, включающий момент коммуникативной деятельности, предшествующий самой охоте – основному виду деятельности того периода времени. Деятельность, возникающая из ритуального или магического действия (скорее, первоначально это движения или танец, сопровождаемый криками, возгласами), а затем «снявшая» ритуал как примитивную форму знаково-символической деятельности, через механизмы интериоризации порождает особую инстанцию – внутреннюю речь. Структура символов, воспроизводимых индивидом и данной общностью в своей целесообразной деятельности, становится парадигмой их мышления. Характер труда вырабатывает коллективные представления, до сих пор возможных только на уровне зрительных ощущений. И прежде чем они перейдут в понятийную форму, они должны облечься в форму слова.

Аргумент в пользу того, что знак – рисунок должен потерять свою образность, чтобы начало развиваться абстрактное, рациональное мышление кроется в культуре тех стран, которые так и не развили науку как форму общественного сознания: Китай, Япония, Египет – древнейшие цивилизации, пользовавшиеся иероглифическим письмом и системой жесткого социального устройства, которые не позволили им обрести независимость мышления, а вместе с ним и системы научного знания. Идеографическое письмо – знаки, содержание которых уже не совпадает с их рисуночным образом. Оно является отражением работы левого полушария головного мозга, в котором коренится абстрактное мышление. Здесь же осуществляется осознание самого себя. Иероглифическое письмо, связанное с конкретным смыслом слов больше соответствует деятельности правого полушария – эмоциональному мышлению. Исторически оно и получило отражение в специфике культур Востока и Запада, в какой-то степени обусловив их противопоставление.

Предпосылкой понятийного мышления можно рассматривать содержание коллективного бессознательного – общечеловеческие первообразы, архетипы. Мать-земля, мудрый старец, демон – эти образы необходимо присутствуют в мифологическом сознании. Противоречие между внешним сверхличным, достаточно типизированным и собственным внутренним миром, содержащим вначале витальные потребности, ведет к отрыву от бессознательного, подавлению его в пользу личного выбора, собственных интересов. Именно это подразумевает К. Леви-Строс, когда говорит, что в основе знаковых систем скрывается бессознательное и что бессознательное творчество человеческого духа лежит в основе культуры и языка [4]. Создав мир символов, человек отошел от следования бессознательной структуре разума. Сначала мысль воз-

никает на языке мозга в виде нейродинамического кода-языка бессознательного и потом переводится в вербальный язык – язык сознания. Бессознательные явления относятся к разряду представлений и связаны с восприятием, памятью и воображением: сны, фантазии, мечты. Они возникают при работающем, но ослабленном контроле сознания, сны – вообще без него, хотя само их существование обязано, кроме самой нейрофизиологической основе, еще и условно-символическому содержанию, вырабатываемого в процессе перехода от ощущений к вещам.

Жизнедеятельность социального человека создает основу для унификации представлений, установленную систему материальных и духовных отношений – культуру, которая должна быть достаточно консервативной и однозначной, чтобы осуществлять направляющую и регулирующую функции; только на такой основе возможен переход представлений, выражающих отношения в обществе в понятийную форму. Миф в этот период родового строя служит выражением «коллективных» представлений. Зарождение рефлексивного сознания становится возможным только при переходе к рабовладельческому строю и оформляется в виде философского знания, которое сначала вырабатывается в рамках религиозной формы сознания и этим, с одной стороны уничтожает религию благодаря своей критической функции, а с другой – способствует переходу от веры к неверию. Фантастический характер мифа стал восприниматься как аллегория – откровенная насмешка над тотемами.

В культуре античности основной формой рефлексии – признака наличия самосознания и понятийного мышления была поэтическая форма зарождавшейся философии. Причем, стоит вспомнить, что ее основным жанром была трагедия, то есть действие в совокупности с образом дававшее представление, те-

рявшее свою образность, но приобретающее смысловое значение (все действующие лица носили маски и представляли достаточно унифицированных действующих лиц), которое уже по природе является символическим. Сама поэтическая форма имеет своим содержанием чувственный образ и конкретную реальность, что соответствует раннему периоду становления самосознания и что также указывает на эволюционный характер развития понятийного мышления. Уже Пифагор, Парменид, Эмпедокл создают философские поэмы, но их поэмы скорее похожи на упражнения в стихосложении: «...есть бытие, а ничто не есть...».

Греческая мысль досократического периода, используя форму поэмы и стиль пословицы, афоризма, остается «темной». Поэтическая форма противоречит выражению философской сложности мысли, поэтому, возвращаясь к поэтическому стилю, она вынуждена прибегать к образу и символу, чтобы в единой формуле выразить сложную всеобщность мысли. Это заставляет в дальнейшем отказаться от подобной формы философских идей. Не случайно первым философом считается все-таки Сократ, который требует отказа от поэтической формы, так как она, будучи образной и косвенной для философской мысли, мешает ей проявиться. Почему этому пути в дальнейшем следует и Платон. Именно Сократ делает возможным дальнейшее развитие мысли с помощью постоянной постановки вопросов, имеющих целью довести формулировку мысли до уровня рефлексии, где появляется идея и вместе с ней абстрактность и связность мысли.

Показательны в этом смысле Платоновские диалоги, занимающие промежуточное положение между поэзией и прозой. Переход на «ямб» в философии и греческой трагедии способствовал развитию речи большинства людей древнегреческого общества, так как,

по свидетельству Аристотеля, с Еврипидом зритель учился говорить сам. Диалог в этом случае можно рассматривать как упражнение на проверку с помощью здравого смысла содержания идеальной конструкции (в данном случае понятия) на внутреннюю противоречивость, так как, согласно здравому смыслу и формальной логике, любая искусственная конструкция обладает сущностью (то есть бытием), если она не содержит в себе внутреннего противоречия.

Первый исторический тип мировоззрения – мифологический, представляет собой знание о строении сакрального мира и правилах взаимодействия с ним, основывающееся на эмоциональных и поэтических образах. Философия же выстраивает картину мира, уже лишенную личного чувственного опыта, воспроизводя первичные качества (по Дж. Локку) – объективные свойства мира и объектов, – но не передавая восприятие вторичных качеств, так как рефлексивное сознание отказывается от господствующих в восприятии вторичных качеств, исключает несущественное и личное, отыскивает связи между первичными качествами вещей. В диалоге «Кратил» уж осознается, что философия – это ответ на вопрос «Что?», а не «Как?», это уже рождение рефлексии. Диалог равен рефлексии, так как оба составляющие его тождественны, где и там и тут – размышление. Один вопрошает, другой пытается ответить. Один сомневается – другой уверяет, один пытается возражать, выискивая противоречия, – другой пытается их разрешить. Еще нет анализа собственного психического состояния, когда диалог перерастает в рефлексию, но ведь и философия не сразу приобретает рефлексивную форму, сосредотачиваясь на онтологических проблемах.

Правда, поиск первоначал уже связывается с символическим отношением к миру. В диалоге, коммуникации определяется преобладание тех или иных подходов, объяснений,

опровержений, аргументации – все эти операции способствовали развитию языка, мыслительных операций, в ходе которых на основе конвенций устанавливались знаковые системы – конструкты. Отсюда начинается развитие рефлексивного сознания, осваивающего определенный способ видения. Наряду с мифом как источником рефлексивного сознания можно говорить и о религиозном источнике. Так, по Цицерону (106–43 гг. до н.э.), религия происходит от слова *relegere* (гр.) – идти назад, снова читать, возвращаться, обдумывать созерцать. Таким образом, и сама религиозная практика способствует развитию рефлексии. Понятийное мышление развивается на основе общности значимости – согласия и действия, основанного на договоренности, – для чего используется диалог, основывающийся на рефлексии языковых средств.

Языковая деятельность, речь, символична по своему характеру и не связана с конкретным содержанием перцепций, но между словом и воспринимающим его возникает символическое отношение, которое вносит воспринимающий субъект. Восприятие выступает в этом случае как ответ, обусловленный действием с вещами и символическим отношением. Как символическое высказывание язык в качестве ответа ожидает не действия, а другого высказывания или, другими словами, – осуществления диалога. Диалог в данном случае есть попытка установить однозначность понимания в коммуникативной деятельности. Всеобщая релятивизация вещей и произвольное их связывание друг с другом в мифологической и религиозной сферах сознания объясняются тем, что мир в этот период представляется как поток бесконечных превращений и перемещений природных и социальных явлений.

Это придает диалектичность мысли, но такой неупорядоченный поток становления

реальности вызывает необходимость контролировать его и человек набрасывает на мир удобную для него концептуальную сеть с помощью подчинения многообразия впечатлений и переживаний порядку, разделяя их на роды и виды, как это делают уже Платон и Аристотель. Мысль как бы нащупывает подступы к решению проблемы, ее формы находят в становлении. Словесно-языковое выражение мысли носит спонтанный характер, выражается в виде недостаточно определенной массы слов – «темной» мысли. Здесь больше работают воображение и произвол мысли, поэтому так парадоксально сочетаются в философии Пифагора и Платона математизированная форма с ее стремлением ограничить произвол, хотя сама мысль возникает на основе воображения. То, что понятийная форма философии оттачивалась в поэтическом виде диалога, подчеркивает попытку обнаружить определенность представлений, без которых рациональное познание невозможно. Один участник диалога развивает мысль, толкует ее, обращаясь к аналогиям из различных сфер жизни, другой как бы только представляет материал для этого толкования, иногда вступая в спор. Поэтическая форма выражения философии заменяется у Аристотеля выработкой категорий, которые Э. Бенвенист предлагает рассматривать не как категории метафизики, а как категории грамматики греческого языка [2].

Таким образом, получается, что становление греческого языка шло параллельно со становлением философского мышления, так как философская рефлексия опирается на тезис «я говорю», а не «я мыслю». Происходит это потому, что «...сущностные структуры бытия запечатлеваются не в мышлении или сознании, а в творчески подвижном и неуловимом для понятийного мышления языке» [6.

С.27]. Рефлексия для него – это деятельность по объективации сознанием самого сознания или истолкования содержания сознания. Но при этом П. Рикёр, которому принадлежат эти слова, оговаривается: «...вначале мы имеем бытие в мире, затем мы понимаем его, затем интерпретируем и уже затем говорим о нем» [6. С.411]. Все эти замечания касаются способа существования языка, создание и развитие которого принадлежит, по словам П.А. Флоренского, поэту или философу. Безусловно, в истории литературы, как и философии, есть немало представителей обеих сфер деятельности, которым можно приписать славу создателей языка той страны, где они жили. Однако творцы языка всего лишь выразители той объективной силы – сознания, которое порождало самое себя из способности человеческого организма адаптироваться к внешнему миру, используя такой инструмент, как мозг.

Литература

1. Анохин П.К. Биологическое отражение действия фундаментальных законов неорганического мира //Отражение, познание, логика. – София.1973.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., 1974.
3. Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л. Мозг, разум и поведение. – М., 1988.
4. Леви-Строс К. Структурная антропология. – М., 1985.
5. Леонович В. Поведение человека как общий объект исследования социогуманитарных наук и этологии //Пути интеграции биологического и социогуманитарного знания. – М.,1984.
6. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М., 1995.
7. Сагатовский В.Н. Чувственные основы понятия //Вопросы философии.1962. №1.